

ВОЗВРАЩЕНИЕ БУМЕРАНГА

Разные истории можно услышать в лесу, у реки, уютно расположившись вечером у таёжного костра. Уже давно прошёл ужин, и уже перед сном, попивая горячий ароматный чай, настоящий на таёжных травах, внимаешь рассказам собеседников. Тишина. Тайга затихает и тоже прислушивается...

Разговор вёл бывший моряк, отслуживший свой срок на далёкой Камчатке. Он увлёк меня, а потом и захватил... Уже в годах, но бравада морская из него так и не выветрилась, в глазах мелькали искорки... Да и характера он был заводного, энергия от него так и исходила. Уже перед армией он добился и стал мастером спорта по боксу...

Прибыли они на службу на край света... на Камчатку, на океан. Город, природа, Авачинский залив, корабли, стрельбы — всё это будоражило душу, и брала гордость... Он моряк и служит в морфлоте. Служба проходит успешно, пошли продвижения по службе, и вскоре он уже служил на самом скоростном катере, который был во флотилии. Всё бы хорошо, но характер!..

И вскоре гром грянул: за проступок загремел он на гауптвахту. Там таких, как он, оказалось немало. А находилась она на сопке и возвышалась над городом. Красивое место — сопка, всё окружено деревьями и кустарниками, а с востока — вид на морской залив, а далее — океан. Красота. Но не для тех, кто попал на эту гарнизонную гауптвахту, а находились здесь и матросы, и солдаты всех родов войск. Дорога вела на сопку травянисто-гравийная, подходила к губе, а далее, проходя мимо неё, уже к вершине, где находился домик с усадьбой самого начальника гауптвахты, где он жил с хозяйкой. Руководил этим хозяйством по исправлению дисциплины у солдат старший прапорщик Кустинов — Устин. Он был здоровенного роста, с большими руками и огромным животом. Грубиян, да ещё и хамоватый, но довольно хитрый и... на своём месте... солдафон. По

службе к нему претензий не было, он там был постоянным, бессменным начальником, «бог и царь», все это знали и не перечили, и служба шла у него чередом...

Утром на плацу, делая развод, он держал свои руки за спиной, так как огромный живот ему не давал места делать это спереди. Добавив тем, кто ему не понравился, или улыбался, или не так посмотрел, по семь суток ареста сверху, он шёл отдыхать домой или в штаб. Исправительные работы были разные: копание траншей, ремонт в морском порту, разгрузка грузов, а для тех, кто не попадал на работу, — маршировка и бег весь день по плацу. Помощник у него был прапорщик Кащей, как его прозвали солдаты и матросы, — тот был худой, но ещё более злющий. Но они знали своё дело и занимались «воспитательной» работой. Попасть на десять суток гауптвахты — это значит попасть на семнадцать или более суток: семь суток сверху здесь получал чуть не каждый второй. Да ещё можно было влететь в тринадцатую камеру, маленькое окошко которой выходило на северо-восток и не было застеклено, оттуда всегда сквозило, всегда в камере было сыро, а ночью просто холодно. Там можно было всегда подхватить воспаление лёгких, что многие и получали. Бушлаты ночью от сырого и холодного ветра с океана не спасали.

Но тут подошла весна, и все события развернулись в весеннее время. Подошла суббота, в этот день на гауптвахте решили провести генеральную уборку территории, и после неё часть солдат и матросов должна была помочь Устину посадить картофель. Территорию убрали быстро, а вот за территорией пришлось поработать: вокруг всё было усыпано пустыми банками из-под тушёнки и консервов. Банки собрали в несколько больших куч и вырыли новую утилизационную яму под откосом горы, чтобы туда всё это сбросить и в дальнейшем весь мусор собирать и уносить в неё.

Устин уехал по своим неотложным делам с Кашеем в город, и они должны были вернуться обратно к вечеру, к разводу. Работа спорилась, парни не отлынивали и старались. В это время подошла хозяйка, она шла домой и сказала, что можно сажать картофель, она даст посадочный материал. Под охраной группа матросов и солдат ушла на

посадку картофеля, а коль это было рядом, то они практически никуда и не уходили. Перекопав пять соток земли, приступили к посадке, но в это время у них родился дерзкий план: они решили проучить Устина и отомстить ему.

Пока охранник Штих балагурил возле ворот гауптвахты с такими же охранниками из караула, парни сажали картофель, но не в землю, а в консервные банки, а затем их ровно по рядкам закапывали в землю. Всё делали аккуратно, охранник этого не видел. Кто придумал этот план, у кого он созрел, сейчас никто и не вспомнит. Но они это сделали. Пять соток картофеля были посажены в банки, и вся технология посадки была выдержана. Доложили хозяйке о том, что работа выполнена, попросили хозяйку принести воды, чтобы попить, что она и сделала, поблагодарила за работу. В это время один из матросов спросил: а не говорил ли Виктор Устинович о том, что после посадки картофеля он разрешает взять из дома телевизор на вечер и они на гауптвахте посмотрят все футбольный матч? Она ответила, что нет но, поверив им, разрешила взять телевизор с собой на гауптвахту — «так, как сказал Устин».

Матросы аккуратно принесли телевизор в помещение гарнизонной «губы», и все вместе с караулом стали смотреть футбольный матч и не заметили, как зашёл в помещение хозяин гауптвахты. Он зашёл и остолбенел... Солдаты, матросы и караул сидят вместе и смотрят футбольный матч в коридоре гауптвахты. «Что это? — заревел Устин.— Откуда? Кто разрешил?» Он всё больше и больше расходился... Лицо побагровело... «Никак нет, ничего не знаю!» — «Убрать! Вынести! К чёртовой матери телевизор убрать!» — топал ногами Устин. Лицо его посинело, живот трясся, брючный ремень лопнул. Охранник хватает телевизор и с ним выскакивает во двор, открывает ворота и со всего маха кидает под откос в яму, тот летит, ударяется о дерево, разлетается напополам и успокаивается на дне новой ямы. Начались разборки, но вскоре, успокоившись и приведя себя в порядок, Устин отправился к себе домой.

Дома, сидя за столом и попивая чай, спросил жену, что так тихо в квартире и телевизор молчит, на что жена

ответила: «Так его дома нет, ведь ты разрешил матросам его взять на вечер, чтобы они посмотрели футбольный матч...»
Стакан с чаем выпал из рук Устина, глаза остекленели, он изумлённо смотрел на жену, шевелил губами, но ничего сказать не мог. «Я не говорил, я не говорил». На глазах выступили слёзы.

Утро началось с разборки... Практически всем, кто сажал картофель и смотрел по телевизору футбол, Устин с наслаждением добавил по семь суток... остальных заставил маршировать и бегать по плацу весь день... Сам же подошёл к вновь вырытой яме и долго смотрел в неё... Там спокойно лежал вдребезги разбитый телевизор... Похлопав руками за спиной и поправив брючный ремень, Устин вернулся на плац... Долго смотрел, как маршируют матросы, и дал новую вводную: подметать плац до зеркальной чистоты... После этого успокоился и уехал по своим делам в штаб...

Дни летели за днями, матросы и солдаты менялись на гауптвахте, и никого из тех, кто был очевидцем «знаменитых» событий, не осталось...

Прошло время, и уже другие очевидцы рассказывали... Устин хвалился и всем показывал, особенно соседям, как надо выращивать картофель... Всходы у него на огороде были дружные, ну просто замечательные... картофель рос быстрее, чем у кого-либо, и уже через месяц ботва была более метра в высоту. Ровными рядами, как солдаты, она стояла в шеренгах. Ряды её были чёткие, как на параде...

Но подошла осень... и Устин с помощью солдат решил убрать урожай... Что там было, история умалчивает, но крики и рёв Устина были слышны на всех кораблях в Авачинской бухте...

Собеседник закончил рассказ. Мы все, сидя у костра, хохотали, когда представили, как он выкапывал свой урожай картофеля в банках...

Ночь набирала силу, все успокоились и заснули. Костёр, прогорев, потух... Только деревья качали своими вершинами, словно переговаривались между собой... Даже волны — и те притаились... Чего только не бывает на белом свете...

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ, или ЦЕНА ОДНОЙ СПИЧКИ

Гул вертолѐта постепенно затих, скрадываясь где-то за небольшими лобасто-оранжевыми сопками. Тишина. Мы, трое товарищей, стоим посреди брусничной поляны, утопая во мху, возле небольшой, но шустрой речушки Сиговая, где-то посреди бесконечной тундры. До города Норильска отсюда где-то триста километров, а до Игарки — более четырёхсот пятидесяти километров. Одиннадцатый час дня. Приветливое, яркое, брызжущее лучами солнце освещало от горизонта до горизонта осенний увядающий пейзаж тундры. Чахлые лиственки, берѐзки, ольшаник и кустарник с разноцветным радужным цветом листвы окружали нас, а голубые чаши и блюдечки озѐр звали и манили к себе. Решили палатку ставить здесь, на месте, где нас высадили добродушные вертолѐтчики, которые летели по своим делам к буровикам на вахту, захватили нас в Игарке и любезно пообещали забрать обратно через три дня. Всё складывалось просто удачно. Подтащили свои вещи к берегу, а также заодно пустые бочки под рыбу, так как местные рыбаки-старожилы намеренно сказали, что уже осень, сентябрь месяц, и рыба скатывается по реке валом, так что рыбы будет много. И, чтобы не лодырничать на берегу, посоветовали ловить и солить сразу рыбу в бочках и поделились полутора десятком бочек, каждая килограмм под сорок. В общем, прилетели мы на речку с хорошим настроением и напутствием не отдыхать, а наловить рыбы... Разрешение лежало в кармане брезентовой куртки у местного старожилы Николая...

Осмотревшись, поставили на крутом берегу, в мелком ельнике, палатку. Она оказалась довольно потрёпанная и старенькая, и это мало сказать... но что дали, то и поимели. Что скажешь?! В общем, обустроились. Развели свой первый в тундре костѐр, вскипятили чай с листьями брусники. Брусничника кругом были необъятные поляны, но в этот год, видимо, из-за затяжной весны, она поздно отцвела и не успела вызреть, так что сама ягода вся практически была зелёной, и только редкие ягоды на болотных кочках, во мху, краснели своими бочками и манили нас на солнышке.

Решили, осмотревшись на берегу, воодушевлённо настроенные, поставить первые две-три сети. Ловить собрались сига, который с верховьев должен был в это время на зимовку спускаться вниз по речке в Хантайское озеро.

Стоял сентябрь — самое время для рыбалки. Достали резиновую лодку, с энтузиазмом надули её, поднялись по берегу метров на сто и с этого места забросили с левого берега сеть, метров двенадцать длиной. Первую сеть — сигнальную. Не успели ещё до конца забросить сеть в воду, как заметили, что поплавки в начале сети уже отчаянно задёргались и резко утопились. Закончив расставлять сеть, подплыли к месту, где были подтопленные поплавки, подняли: в сети была и запуталась щука, килограмм на пять. Двое моих напарников, а один из них коренной северянин, заворчали и, делая равнодушный вид, достали рыбу из сети и с пренебрежением бросили её на берег, в траву, с возгласом: «Собака!» И пояснили мне, что это никчёмная рыба, такую рыбу местные жители Севера себе не берут, выбрасывают или отдают на корм собакам. А себе ловят только белую рыбу — чира, сига, гольца, нельму, омуля и так далее. В общем, вроде как преподали мне урок: учись, вы там, на Большой земле, и рыбы-то настоящей не видали, а здесь Север, здесь другое... вот так...

Расставили остальные сети. Вышли на берег. Добавили в остывающий костёр веток, он весело затрепал. Решили готовить ужин. Хотя и было с собой ружьё, стрелять было некого. Гуси и утки, видимо, уже улетели, и куда ни посмотри — никого кругом из пернатых не было видно... Поплавки в сетях уже более трёх часов спокойно стояли в воде и не дрогнули, так что рыбы в сетях не было. Достав банки с тушёнкой и сварив гречку, приготовили ужин. Я всё посматривал на ту сторону речки, где лежала в траве щука. Затем, не выдержав, под явный протест машущих руками и кричащих на меня напарников, сплавал один на лодке на другую сторону и привёз щуку. «Северяне» молча, с осуждением на меня смотрели. С невозмутимым видом я её на берегу, на камнях, очистил, разделил на порционные куски, начал жарить её на растительном масле в сковороде, с добавлением воды, моркови, лука и специй. Запах пошёл обалденный. «Северяне»

отошли от костра, сели за столик, налили себе грамм по сто и стали закусывать тушёнкой с гречкой. Я же, взяв готовое блюдо с рыбой и подтащив сковородку к столу, бухнул её на стол. Налил себе сто грамм, взял ложку, с удовольствием выпил на свежем воздухе свои сто грамм «наркомовских» и заработал ложкой. Гнуса не было, свежий ветерок с дымком доставлял наслаждение. Оба то на меня смотрят, молчат, то переводят взгляд на рыбу, а от неё пар так и валит... А запах — чарующий... Не выдержали «северяне», наливают следующие сто грамм, а закусывать у них нечем, каши от бодрого аппетита уже нет, слопали, и они, переглянувшись с таким видом, как вроде делают мне одолжение, по ложке хлебнули рыбьей юшки... И не успел я себе налить вновь сто грамм и взять ложку, как они резво умяли всю рыбу и сидят, наслаждаясь, хлебом макают юшку. Это надо было видеть...

Подошла ночь. Звёзды зависли совсем над головой. Небо невероятно чистое, густо-густо тёмно-синее. Тишина. Красиво. Постепенно всё окутала ночь. И в это время возле палатки из ельника тенью, осторожно, но юрко, появляется зверёк-соболек... Осмотрел всё и, как-то по-хозяйски побегав по столу, а потом возле палатки, не найдя ничего съестного, невозмутимо ускакал дальше, в густоту мелкого, покрытого жёлто-оранжевыми листочками чащобника...

Утром чуть не бегом пошли проверять сети. В трёх сетях оказалось поймано всего семь сигов, весом по килограмму. Рыбы не было, рыба не шла... Видимо, ещё температура воды не опустилась ниже двенадцати градусов. При одиннадцати градусах рыба начинает скатываться вниз, в озёра. Почистив рыбу и поставив сети, решили заняться охотой. По кочкам, по воде, в мелких зарослях обшарили всё, что могли, вышли устало на взгорок и оторопели... Там всё было в следах от гусеничных транспортёров, мох был везде гусеницами содран, и ничего по их чёрному следу не росло... Вся тундра была исполосована следами техники, человеческого бездушия и бесхозяйственности... С холма тундра просматривалась и простиралась довольно далеко, и везде куда ни кинь взгляд, были видны следы гусениц транспортёров, словно раны на теле, они тянулись до самого горизонта...

В этот день, проверяя сети, мы ничего не поймали, кроме четырёх сивов. На следующий день — то же самое. Наступало какое-то уныние и разочарование. А тут ещё, ко всему, начала меняться погода. Небо затянулось серой пеленой, затянуло морозящим туманом, видимость с просветами была урывками и местами. Пошёл из нависших облаков мелкий нудный дождь. Настроение падало.

Время подходило к отлёту... скоро должен был прилететь вертолёт. Решили палатку собрать. Когда её стали собирать, она от старости и от мокроты вообще распалась в руках, и практически от неё ничего цельного и не осталось. В это время раздался по курсу на подлёте гул вертолёта... Забросав и залив водою по-быстрому костёр, при этом вылив остатки чая на землю, побежали к поляне, где должен был приземлиться вертолёт. Но вертолёт на высоте, прогромыхав пропеллером в пелене тумана и дождя над нами, умчался вдаль, и его гул вскоре затих. Мы стояли оглушённые. Вертолёт нас не взял... или не заметил, но, в общем, он улетел, и мы остались в неизвестности...

По истечении времени мы выяснили, что это вообще был другой вертолёт, но летел по нашему маршруту с геологами, которых вывозил из тундры на материк по окончании сезона. Судьба круто и внезапно развернулась к нам другой стороной. Вертолёта нет... Палатка пришла в негодность, и поставить её было невозможно, да её вообще не было... Продукты питания за три дня (а их мы брали на три дня) практически подошли к концу. А тут ещё пошёл довольно сильный обложной мелкий дождь, переходящий в снег, подступала ночь, а мы одни посреди тундры...

Один из напарников, Валера-лётчик, запаниковал, началась истерия. Разбрасывая всё и крича на всех, он стал призывать нас надуть резиновую лодку и по реке сплавляться в сторону Норильска, это где-то триста — триста пятьдесят километров до Хантайского озера, а там ещё по озеру, — в общем, довольно опасный и гибельный путь. Да к тому же ещё река в сентябре, с её водоворотами, большущими камнями, корягами и водопадами, не давала никаких шансов доплыть на резиновой лодке троим. Я, чётко понимая это,

сказал, что на этот вариант не согласен; третий, Николай, отвернувшись, молчал. Валера, дёргаясь и суется, обозвал нас дикарями, тупарями и так далее, схватил единственное ружьё, остатки продуктов, спички и пошёл, не оглядываясь, один вниз по реке. Остановить его мы не смогли... Мы вдвоём остались на берегу... Я понимал, что нас легче найти там, где нас высадили, и что искать нас по тундре — это всё равно что иголку в стог сена. Поддерживал меня в этом и Николай.

Туман сгущался, а тут ещё начались порывы дождя, мелкого, нудного. Надо было что-то делать. Костёр погас, и его развести, когда кругом всё сыро, практически невозможно. В кармане у меня в коробке оставалось всего пять спичек. И вот тут осознаёшь свою беспомощность: в кармане есть паспорт, деньги... ну и что? это не имеет никакого значения сейчас, в этой тундре. А люди? Их помощь так далека... Стреляем из ракетницы, заряд уходит в густые облака, и ничего в тёмной пелене не видно. Делаем четыре выстрела, призывая Валеру вернуться, и прекращаем стрелять. Нет, наш товарищ не возвращается. Ну а как было его остановить? Взрослый мужик, лётчик, командир воздушного судна, а в минуты острой ситуации вышел из-под контроля, скис и запаниковал.

Вспоминаю, глядя на Николая, что до этого, когда ходил по берегу, метров за триста по течению вверх с правой стороны видел в стене крутого берега какую-то нишу, вроде бы даже наподобие двери. Может быть, там какая-то землянка? Постояли, подумали и решили идти туда, да и в этой сырости просто было некуда идти... Пошёл снег... Мы, собрав всё, что можно, в мешки, пошли к тому месту, где я видел в стене берега земляную дыру вроде входа. Снег становился всё гуще и вскоре вообще повалил белой сплошной стеной. Пока шли, немного согрелись.

Подошли... Река здесь делала резкий поворот и протекала между двух холмов, в стене одного из них с правой стороны был вход в какую-то землянку, прикрытую каким-то старым деревянным щитом, служившим дверью. Заглянув туда, ничего не увидели, всё было в крошечной темноте. Просушив руки под свитером, зажёл спичку, одну спичку... Слабый

свет выхватил довольно обширное углубление, изнутри оставленное нетолстыми стволами деревьев, слева были нары на двух человек, старая ржавая буржуйка, сломанная труба, и всё это в большой сырости. Зажигая ещё спичку и осматривая нишу, вижу сломанный топор и пилу с одной ручкой, но обломанную и короткую, с полметра. Полка слева, маленькое окошко и нары на одного человека — и сырость, сырость, сырость... А снаружи ещё хуже... Снег лепит глаза, идёт стеной. Деваться некуда. Ночь затянула всё в округе.

Надо что-то делать, иначе замёрзнем — и конец... Говорю Николаю: надо делать трубу и затопить буржуйку... Смотрим кругом и снаружи, главное — натыкаемся и находим конец трубы, небольшой, но годный. Надставляем, обматываем проволокой, соединяем прожжённый конец и выводим наружу. Восстанавливаем буржуйку. Выходим наружу... все вконец грязные, мокрые... Стоим под снегом... Всё кругом белеет, снег идёт хлопьями. Ищем сучья, палки, но всё мокрое, в воде. Тогда в каком-то порыве я беру обломок пилы и стараюсь спилить небольшую сухую стоящую лиственку. Медленно пилю, получается. Ещё немного — и она падет. Делаю распил один, второй. Внутри ствола сухо. Стараемся расколоть. Делаем раскол и получаем щепу. Что-то получается. Зубы стучат, холодно... Руки мокрые и мёрзнут... Подбираем тонкие лучины, нашли немного бересты и стараемся зажечь буржуйку оставшимися тремя спичками, от этого зависит наша жизнь: зажжём, будет огонь — будем к утру живы, а если нет, то нет, замёрзнем...

Огонь медленно, словно нехотя, начинает разгораться, стараюсь потихоньку на него дуть. Слышу какие-то голоса снаружи... Кто это? Огонёк разгорелся. В коробке осталась только одна спичка. Затрещали мелкие сучья. Пламя внутри охватило буржуйку. От дыма ест глаза. Вышел наружу. Протерев глаза, вижу: наклонив голову, стоит наш третий напарник Валера, весь мокрый, съёжившийся, но живой. Не удивившись, говорю, чтобы все готовили дрова, много дров. Начали рубить, пилить, готовить дрова. А снег идёт... Все подносим и складываем в одном месте. Из двери, если её можно так назвать, идут дым и пар коромыслом. Зайти

туда невозможно. Тепло, но всё в дыму, со стен, потолка всё капает, в этих условиях пока там находиться нельзя. Прыгаем мокрые, озябшие на месте, ломаем сучья, стараемся разогреться — и так четыре часа в темноте, снеге и небольшом морозе. Часам к пяти утра зуб на зуб не попадает. Но в землянке уже суше, капель уже не капает со стен и потолка. Хотя дыму — не продохнуть. Заходим внутрь... Находиться снаружи уже нет сил и мочи. Кашляем, слёзы ручьём бегут из глаз, но здесь суше и теплее, чем снаружи... Часам к девяти утра в землянке потеплело до живого, дыма стало меньше, нары просохли, потянуло живым. Упав на нары кто где стоял или находился, уснули мёртвым сном...

Почувствовал холод и какую-то опасность, подскочил. В буржуйке была зола, всё прогорело, товарищи по несчастью, крепко спали. Настрогав вначале в буржуйку смоляной щепы, осторожно зажёг найденным в золе небольшим угольком бересту, а затем подложил дрова. Вновь в землянке потеплело. Когда вышел и взглянул на тундру, сердце враз защемило и замерло... Всё кругом до горизонта было в белом наряде, только озёра проступали чёрными пятнами... Подошла зима, она была рядом...

Закрыв щитом проём землянки и глядя на всполохи пламени в буржуйке, глубоко задумался. Что же произошло? Почему нас не забрали? В чём дело? А если про нас вообще забыли? А если лётный экипаж, никому ничего не сказав, улетел, отслужив свою вахту? Мысли безрадостно мелькали одна за другой, на сердце было тревожно... Товарищи спали — намаялись. Взяв их ватники, приспособил их для сушки над буржуйкой. Пар пошёл столбом. Но одежда сушилась. Достал оставшийся провиант. Оставалось грамм триста хлеба и грамм сто пятьдесят сала — и всё... Рыбы не поймали, продуктов нет, спичка в коробке одна... Дела... Мысли бегут, бегут... Осень... тундра... снег... Товарищи спят. Решил хлеб разделить на кусочки размером примерно по одной копейке и толщиной около одного сантиметра, получилось шестьдесят кусочков. Так же кусочками разделил сало. Решил давать по одному кусочку хлеба и по одному кусочку сала, но хлеб три раза в день, а сало по одному разу.

Мои напарники проснулись, давай сушиться и запросили что-то поесть. Объявил жёсткий рацион. Вначале раздался дружный рёв голосов, но, получив паёк в ладонь, задумались. Ситуация была ещё та... Поели... Затем чай с брусничным листом, вдоволь... Попили чай... Спросил у Валеры спички... их нет... промочил... И он отвернулся... Молчим... Думаем... Сколько патронов осталось?.. Два... Решили охотиться...

Вышли на свежий воздух. Немного посветлело, но тучи висели над головой. На речке не было видно никого, да и на озёрах близлежащих пусто. Все улетели на юг... Кроме нас... Походили по берегу, ничего съестного не нашли. Брусника зелёная, во рту сразу всё сжималось — до изжоги. В это время заметили, что вдали на реку опустилась утка-лысуха. Одна? Откуда она взялась?.. Видимо, Бог есть! Охотничий азарт, скрадка по-пластунски поимели успех: с двух выстрелов её добыли... Патронов больше нет... Поймали тушку утки на быстрине реки — и вот она в руках. Ободрав перо, обожгли её от пера в буржуйке, решили варить суп. Решено так решено. Варим. Но от неё такой запах рыбы, что аппетита то не вызывает... Варим. Пробуем — сырая. Варим два-три часа, но она постоянно кажется сырой. Решили есть. Я свою часть отложил на следующий день. Напарники грызут, хрумчат, голодные — ужас... Съели, косточки перемолотили, больше есть нечего, а хлеб я им больше нормы не выдаю. Смотрят на меня — видимо, хотят меня разорвать. Но рано... не спешат, оставили на дальнейшее растерзание.

Так проходит ещё два дня... Все на взводе: что делать? Тундра вся в снегу, но небо очистилось, и появилось солнце. Прошло пять дней, подходит шестой, что-то надо делать. Я говорю: ждать. У моих товарищей в глазах тоска и какая-то злость, и я их понимаю. Безднадёга, но в это не верится. Почему нас так просто бросили, оставили? Должна же быть какая-то причина?.. Но какая? Что произошло? А произойти должно нечто такое, что мы оказались в ловушке, в такой ситуации. Последние крохи хлеба кончались, сала не было уже давно... Рыбалка была безрезультативна... Настроение крайне удручающее, напряжённое... Но ждём, на что-то надеемся... Я всё-таки верю и успокаиваю, что всё будет благополучно,

хотя вера всё больше и больше подвергается сомнению. Но упадка в настроении нет — улыбаюсь. Третий напарник всё чаще протирает глаза и хмурится, молчит, но поддерживает меня. Уходить с места не стоит, искать в случае чего будут здесь... А Валера-лётчик, дёргаясь и обзывая нас всякими словами, всё зовёт и рвётся идти или плыть, но не сидеть на месте, или мечтает о своём самолёте, на котором он бы улетел...

А в обед на восьмой день, когда уже не было сил ждать, подлетел внезапно вертолёт, мы уже его и не ожидали и, когда он совершил посадку, бросились к нему... Лётчики хохочут и спрашивают: «Вы откуда такие чумазые и оголтелые? Мы пролетали сегодня мимо по маршруту за геологами, и нам захотелось свежей рыбы. Где она? Ведь мы же за вами, по вашей просьбе, должны были прилететь на двадцать третий день!!» Тут у нас лица и вытянулись. «Почему на двадцать третий день? Ведь мы говорили — на третий...» — враз в голос проговорили мы с Николаем, на что командир вертолёта показывает рукой на понурившего и отвернувшегося Валеру и говорит: «А вы спросите его. Он нам дважды говорил и убедительно наказывал: на двадцать третий день!..» Повернулись к Валере, он отошёл в сторону, наклонил голову, молчит. Стоит и молчит... А потом глухо пробубнил: «Не помню...» Да что тут говорить?.. Забрали нас тогда лётчики... Улетели мы... Так, благополучно, но с приключениями, закончился тот полёт на рыбалку на Север... Отпустила нас тогда тундра...

Дома уже нас потеряли, ещё бы немного — и начался бы поиск. Но вот вопрос: где нас было искать? Никто не знал, кроме экипажа вертолёта. Кстати, он в тот день заканчивал свою вахту и улетал на две недели в Абакан, а вернулся бы вновь он на вахту через две недели, или его могли командировать в другое место... никто сказать не мог... И тогда никто бы уже не мог точно сказать, где мы... Так что мы ещё благополучно отделались... А спичка — она ещё долго лежала у меня в кармане на память... как и сама память, которая не стёрла события тех дней...